© 2012 г.

ХІІ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (27–29 октября 2010 г.)

27–29 октября 2010 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоялись XII Жебелёвские чтения, организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. Очередные Чтения были посвящены 150-летию со дня рождения выдающегося исследователя античности и средневековья Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). В конференции приняли участие антиковеды из Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Великого Новгорода, Воронежа, Иваново, Казани, Магнитогорска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Перми, Петрозаводска, Самары, Саратова, Ставрополя, Сыктывкара, Твери, Тобольска, Уфы, Челябинска, Ярославля, а также зарубежные специалисты по античности из Германии, Ирландии, Кипра, Польши, Украины. Всего было представлено и обсуждено 70 докладов.

Конференцию открыл заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима, директор Центра антиковедения СПбГУ профессор *Э.Д. Фролов*, посвятивший свое вступительное слово 150-летию петербургского профессора Ивана Михайловича Гревса, которому принадлежит выдающееся место среди ученых старой дореволюционной школы. Автор доклада отметил, что И.М. Гревс был учеником известного специалиста по истории средних веков и Византии В.Г. Васильевского, под влиянием которого И.М. Гревс обратился к изучению генезиса феодализма. Большое значение для становления его воззрений, по замечанию Э.Д. Фролова, имели также труды Фюстель де Куланжа, от которого будущий ученый воспринял идею эволюционного развития при переходе от античности к средневековью и представление о значении крупного землевладения в Римской империи как предтечи будущего феодализма. Как указал Э.Д. Фролов, в области изучения античной истории И.М. Гревс знаменит, прежде всего, своим трудом «Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена Империи)» (СПб., 1899). В заключение автор доклада указал, что от изучения античности И.М. Гревс довольно быстро обратился к средневековью, где также оставил значительный след своими работами по истории французской и итальянской культуры.

На первом пленарном заседании были заслушаны четыре доклада. *Антонис Тсакмакис* (Никосия, Кипр) в докладе «О чудесах и свободе (кипрский логос Геродота)» обратился к анализу повествования Геродота об участии городов Кипра в Ионийском восстании в начале V в. до н.э. (Herod. V. 104–115). Рассмотрев принципы организации материала в «Истории», автор доклада подчеркнул, что в рассказе Геродота о Кипре заметны важные параллели и сравнения: во-первых, связь с событиями в Афинах, которым в Геродотовом рассказе отводится особое место в контексте идеи свободы и борьбы за нее; во-вторых, сопоставление лидеров восстания против персов – Гистиея из Милета и Онесила с Кипра. В заключение А. Тсакмакис указал, что в «Истории» заметна определенная идеализация Крита, напоминающая о далеком героическом прошлом. В докладе «Греческая колонизация Западного Причерноморья: от апойкии к полису» *С.Ю. Сапрыкин* (Москва) подчеркнул, что вопрос о приходе эллинов на побережье Западного Понта неоднократно поднимался в современной науке, однако исследователи не пришли к единому мнению о том, как происходил процесс расселения греков в данной области. По мнению С.Ю. Сапрыкина, большая часть колоний в этой части греческой ойкумены была основана централизованно, возникла на месте раннефракийских поселений, что ускорило процесс превращения их в полисы. Одним из важных факторов становления полисных отношений и развития хоры был постоянный приток в колонии нового населения. Кроме того, развитие ремесла и торговли притягивали к западнопонтийским городам большие группы фракийского населения, оседавшего в пределах сельской округи городов и по ее границам, что ускоряло развитие

хоры полисов. В результате, по мнению автора доклада, формирование полисных отношений в ряде мест завершилось уже при жизни старшего поколения первых групп колонистов.

Доклад *Бурхарда Майснера* (Гамбург, Германия) «Стратегия и стратегическая мысль в древней Греции» был посвящен анализу практической деятельности стратегов и развитию стратегической мысли на протяжении всей древнегреческой истории – от архаического времени к эпохе эллинизма. Особое внимание Б. Майснер уделил тому, как представлялись место и роль стратегов в античной литературной традиции, в частности, вопросу о влиянии на традицию образов древнегреческих героев и героической модели военного лидерства. В докладе «Частные археологические коллекции Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX в.» *И.Л. Тихонов* и *О.Л. Бильвина* (Санкт-Петербург) отметили, что значительное количество этих коллекций было составлено из материалов, происходящих из Египта, Греции, Италии и Северного Причерноморья. По замечанию авторов доклада, наиболее богатыми были коллекции председателя Императорской Археологической комиссии графа А.А. Бобринского, художника М.П. Боткина, ученого В.С. Голенничева и собирателя древностей А.А. Пальникова. Большинство этих частных коллекций позднее вошли в фонды государственных музеев.

27 октября во второй половине дня началась работа секций. На первом заседании *секции по истории древней Греции* (председатель – В.М. Строецкий) было обсуждено шесть докладов. *М.Ю. Лантвева* (Тобольск) в докладе «История Ионии в свете археологических исследований XX – начала XXI в.: тенденции и перспективы» выделила три этапа археологического изучения этой малоазийской области в XX в.: 1) первая четверть столетия, когда изучались преимущественно монументальные храмовые комплексы, как правило, классического и эллинистического времени; 2) 40–50-е годы, когда раскапывались не только выдающиеся памятники архитектуры, но также рядовые поселения, некрополи ионийцев и их анатолийских соседей; 3) последняя четверть XX – начало XXI в., когда происходит увеличение масштабов и интенсивности археологических раскопок, усложнение методов археологических исследований и вместе с тем развивается тенденция к замене традиционных методов исторического исследования специфическими археологическими методами и подходами (работы А. Гривса). *Е.Е. Макарова* (Великий Новгород) в докладе «Раннеархаическая Ахαιа: процесс формирования полиса» указала, что античная традиция характеризует раннюю Ахαιю как двенадцатиградие (Herod. I. 144, 145–146, 149; Paus. VII. 6. 1; Strabo. VIII. 7. 4, p. 386). Однако, как полагает автор доклада, если принять во внимание неравномерность социально-политического и экономического развития отдельных областей Ахαιии в VIII в. до н.э. и применение авторами источников разных понятий (πόλις и μέγεα) по отношению к различным поселениям, то вряд ли можно говорить об одновременности складывания полисного уклада жизни для всех поселений Ахαιии. *Т.Г. Мякин* (Новосибирск) в докладе «Культовое содружество Сапфо на Лесбосе VII–VI вв. до н.э.: новые факты» указал, что эпитет ἰόκοιτος («фиалкогрудая») засвидетельствован не только в поэзии Сапфо, но и в надписи на алтаре афинской Артемиды Агротеры (IG II². 4573). По его мнению, это дает возможность лучше понять религиозное мировоззрение поэтессы и социальную функцию культового содружества Сапфо на Лесбосе VII–VI вв. до н.э. Комплексный анализ источников позволил автору доклада сделать вывод, что поэтесса была жрицей Артемиды Термии (Эфиопии), древней богини-покровительницы острова, с которой поэтесса была связана отношениями «священного брака».

Н.А. Шергина (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу об экономике Самоса VI в. до н.э. на основании нумизматических данных» рассмотрела появление и особенности развития монетного дела на Самосе в VI в. до н.э. Отметив, что, согласно традиционным представлениям, начало чеканки монеты на Самосе совпадает с периодом перехода от правления аристократии к тиранической власти, Н.А. Шергина попыталась проследить связь между сменой изображений на монетах Самоса и происходившими на острове социально-политическими изменениями. *В.В. Антонов* (Нижний Новгород) в докладе «Афины и их союзники от Союзнической войны до Филократова мира (355–346 гг. до н.э.)» подчеркнул прежде всего, что после поражения в Союзнической войне (357–355 гг. до н.э.) внешне-политическое положение Афин неуклонно ухудшалось, при этом противодействие усиливавшейся Македонии Филиппа II и активная колонизационная политика требовали значительных людских и материальных ресурсов. По мнению В.В. Антонова, ослабление Спарты и Фив в этот период и недооценка реальности македонской угрозы привели к тому, что Афины стали расцениваться полисами Эгеиды чуть ли не как единственная угроза своему суверенитету. Проанализировав взаимоотношения Афин с полисами – участниками Второго Афинского морского союза, докладчик на примере полисов Эвбеи показал, что целый ряд провалов во внешней политике Афин в 355–346 гг. до н.э. был вызван стремлением афинских союзников к автаркии и автономии. Работа первого заседания секции завершилась обсуждением доклада *В.М. Строецкого* (Нижний Новгород) «Геродот об афинской демократической идеологии и оценка его взглядов в некоторых западных работах конца XX – начала XXI в.». Как указал автор доклада, со второй половины XX в. в зарубежной историографии заметен отказ от позитивистского подхода к изучению античной истории, при этом многие исследователи, в

значительной степени под влиянием французской исторической школы «Анналов», стали рассматривать античную литературную традицию с точки зрения так называемой «интерпретирующей истории». В частности, подобный подход нашел отражение в работах Р. Томас и С. Форсдайт, анализу которых В.М. Строгеецкий уделил особое внимание.

В это же время начала свою работу *секция по истории эллинизма*. На первом заседании этой секции (председатели – Кш. Навотка, О.Л. Габелко) было представлено пять докладов. В докладе «Утверждение демократических режимов в греческих полисах Малой Азии при Александре Великом» М.М. Холод (Санкт-Петербург) подчеркнул, что в эту эпоху демократия становится конституционной нормой для полиса, в то время как не только тирания, но и олигархия представляются отклонением от нее. По его мнению, подобная перемена была в значительной степени обусловлена именно той мощной поддержкой, которую демократия в греческих городах Малой Азии, на побережье и прилегающих островах получала со стороны Александра. М.М. Холод пришел к заключению, что демократия, хотя и разного качества, была установлена в подавляющем большинстве полисов, попавших под контроль македонского царя. *Фолькер Гриб* (Гамбург, Германия) посвятил свой доклад теме «О значении терминов *demokratia*, *eleutheria* и *autonomia* в эллинистическое время». Прежде всего, он обратил внимание на различие в основных значениях данных понятий, которое показывают источники классической эпохи: *demokratia* применяется в отношении правления демоса в полисе, тогда как *eleutheria* означает свободу прежде всего во внешней политике. *Autonomia* же, в соответствии со смыслом самого этого слова, означает ведение собственной законодательной деятельности, самоуправление. Ф. Гриб оспорил распространенную в научной литературе точку зрения, согласно которой данные термины в эллинистическую эпоху потеряли свое основное значение и, кроме того, могли использоваться как синонимы. Автор доклада показал, что с точки зрения свободного и демократического полиса *demokratia*, *eleutheria* и *autonomia* описывают разные, в основном правовые, стороны полисного статуса, тогда как эллинистические правители могли использовать эти термины, имея в виду не их точное значение, а преследуя цели политической пропаганды.

В докладе «Погребение Селевка I Никатора в сведениях Аппиана (App. Syr. 63): реплика александрийского культа Александра Великого?» И.А. Ладынин (Москва) обратился к анализу сообщения Аппиана о том, что после гибели Селевка I Никатора его прах был послан Филетером Пергамским Антиоху I, который похоронил его в «Селевкии у моря» и основал в его честь храм и священный участок, получивший название «Никаторий». Автор доклада отметил, что выбор Антиохом для погребения отца и установления его культа именно Селевкии-в-Пиерии – города у моря не случаен. Этот город у моря был основан самим Селевком и получил его имя по аналогии с Александрией Египетской, основанной Александром. Рассказ Аппиана о специальном приобретении останков Селевка для Антиоха (ср. историю борьбы диадохов за тело Александра в конце 320-х годов до н.э.) наводит на мысль, что замысел Антиоха должен был состоять в установлении в своей державе государственного культа своего отца по образцу государства Птолемеев. В заключение доклада И.А. Ладынин проанализировал причины, по которым данная инициатива не состоялась. А.С. Балахванцев (Москва) в докладе «Аршак I и создание Парфянского государства» отметил, что в 40-е годы III в. до н.э. обстановка в селевкидской сатрапии Парфии резко обострилась в связи с появлением на ее северных границах кочевого племени парнов, осевших в долине Оха (Сумбара-Атрека). Как указал автор доклада, вождь парнов Аршак, воспользовавшись сложной для Селевкидов политической ситуацией, вскоре вторгся в Парфию и тем самым заложил фундамент будущего парфянского государства. Однако ок. 232 г. до н.э. Селевк II Каллиник начал свой восточный поход и нанес Аршаку тяжелое поражение, вынудив его подписать мирный договор с Селевком и признать вассальную зависимость от Селевкидов. По заключению А.С. Балахванцева, парфяне были вынуждены соблюдать условия этого договора вплоть до поражения Антиоха III в битве при Рафии в 217 г. до н.э. Только тогда Аршак I отложился от державы Селевкидов и в знак своей полной независимости стал чеканить собственную монету.

В докладе Ю.Н. Кузьмина (Самара) «*Victoria Macedonia*: депортация македонской военно-политической элиты в Италию в 167 г. до н.э.» были проанализированы сообщения ряда античных авторов о депортации римлянами после упразднения монархии Антигонидов македонской аристократии в Италию. По мнению автора доклада, депортация 167 г. до н.э., вопреки распространенному мнению о тотальном характере данной акции, вряд ли затронула семьи локальной аристократии македонских городов, которые не были связаны на тот момент с общегосударственной военно-политической элитой. По замечанию Ю.Н. Кузьмина, категории людей, подлежащих депортации, были достаточно точно перечислены Ливием (XLV. 32. 3–6), а некоторую дополнительную информацию можно найти в сообщениях Полибия, Диодора, Плутарха и Юстина. В заключение докладчик подчеркнул, что в отличие от греческих заложников, которые вернулись на родину ок. 150 г. до н.э., македоняне, скорее всего, до конца жизни оставались в Италии.

27 октября начала свою работу *секция по истории Рима*. На первом заседании (председатель – В.Н. Парфенов) было заслушано шесть докладов. *В.В. Дементьева* (Ярославль) в докладе «Низшие римские магистраты: проблема существования “флотских квесторов”» проанализировала сообщение Иоанна Лида (De mag. I. 27), давшее основание некоторым исследователям считать реальным существование магистратов, называвшихся *quaestores classici* (букв: «флотские», «морские» квесторы), которые набирали контингенты для судебных команд от союзнических общин. В докладе были приведены данные других источников о численном изменении квестуры, а также подробно освещены трактовки указанного фрагмента Лида в историографии (в работах Д. Чэндлера, У.В. Хэрриса, М. Смита и др.). В.В. Дементьева поддержала мнение о том, что сообщение о двенадцати квесторах в тексте Иоанна Лида – это результат палеографической ошибки и что особой флотской квестуры (со специфической сферой деятельности магистратов) не существовало. *Л.П. Кучеренко* (Сыктывкар) в докладе «Производство ценза как функциональная обязанность римских цензоров» обратила внимание на соотношение понятий «перепись населения» и «производство ценза». По замечанию автора, производство ценза стало важнейшей обязанностью цензоров со времени образования этой магистратуры. В докладе были рассмотрены вопросы о целях переписи, месте, сроках и регулярности ее проведения. Особое внимание Л.П. Кучеренко уделила вопросу о степени «произвола» (моммзеновский термин «Willkür») цензоров в ходе опроса граждан, кроме того, рассмотрела случаи производства ценза в чрезвычайных ситуациях, а также процесс проведения переписи за пределами Рима. Доклад *А.В. Васильева* (Санкт-Петербург) был посвящен теме: «Дискуссия о природе магистратской власти в Риме: основные вехи». Автор подчеркнул, что в историографии XIX в. наиболее авторитетной была теория континуитета, разработанная Т. Моммзеном и его последователями и предполагавшая, что единственной основой для магистратской власти была власть царя. В XX в. распространились две другие теории: военной (восходящая к трудам Г. Де Санктиса, а в отечественной историографии – И.В. Нетушила) и общеполитической (наиболее ярким ее представителем был итальянский историк С. Мадзарини) природы магистратской власти. В начале XXI в., несмотря на признание комплексного характера природы магистратской власти в Риме, все три теории по-прежнему распространены среди исследователей.

Ю.А. Федина (Магнитогорск) в докладе «Восточные *amici* Марка Антония в гражданских войнах 40–30-х годов» уделила особое внимание вопросу об отношениях триумвира Марка Антония с правителями, общинами, влиятельными жителями Малой Азии, которые рассматривались как его клиенты. По ее мнению, в действиях Антония на Востоке заметно стремление привлечь на свою сторону местное население, следование традиции Цезаря в использовании лозунга милосердия, что, однако, не касалось финансовой политики. В организации управления Антоний, преследуя, по замечанию Ю.А. Фединой, прежде всего свои личные интересы, сделал ставку на зависимых царей, возродил и частично создал ряд зависимых от Рима государств, поставив во главе их угодных ему династов. В докладе «Заговор Катилины и римские популяры» *А.Б. Егоров* (Санкт-Петербург) отметил, что этот заговор не являлся элементом демократического движения. По его мнению, руководящая группа участников заговора принадлежала к маргинальной части сулланской политической элиты, ее главной силой были ветераны диктатора, а главной целью – проскрипции, кассация долгов, а также новое утверждение сулланских порядков. А.Б. Егоров указал, что участники заговора не принадлежали ни к оптиматам, ни к популярам, а скорее, старались использовать обе эти силы. В свою очередь, и оптиматы, и популяры относились к катилинариям как к врагам своих врагов и старались дистанцироваться от них. Историографии эпохи гражданских войн был посвящен доклад *А.В. Карасевой* (Иваново) «Р.Ю. Виппер и С.Л. Утченко о характере римской политической системы периода Поздней республики». Прежде всего, она отметила, что суждения и выводы названных ученых относительно чрезвычайно дискуссионной проблемы политической истории Рима до сих пор не утратили своей значимости. Далее А.В. Карасева рассмотрела предложенную Р.Ю. Виппером характеристику основных этапов развития демократического движения в Риме, которое добилось значительных политических результатов со времени реформ Гракхов. Анализируя наследие С.Л. Утченко, автор доклада отметила, что исследователь, определяя политическую систему Рима как сенаторскую республику, считал возможным говорить о «старинной полисной демократии», о комициях как основном ее элементе, о демократическом характере политического устройства древнего Рима на коротком хронологическом отрезке от реформ Гракхов до диктатуры Суллы.

Во второй половине дня 27 октября проходила работа *секции по истории культуры античного мира* (председатель – М.В. Скржинская), во время которой было обсуждено пять докладов. Особенности религиозных представлений античного мира были посвящены доклады *Е.А. Круглова* (Уфа) «Культ верховного божества-андрогина в Малой Азии» и *А.Н. Грешных* (Москва) «Божества круговращения года в римском архаическом сакральном календаре». Е.А. Круглов подчеркнул в докладе, что Малая Азия VII–III вв. до н.э. в антиковедении традиционно рассматривается как регион почитания богов

в качестве эвергетов – родоначальников ряда реальных аристократических родов Карики, Лидии и Ликийи. Однако эпиграфический и археологический материал этих областей, по замечанию автора доклада, демонстрирует и еще одну примечательную черту: андрогинность верховного божества (Зевса Стратия – Осогоа). Он являлся божеством моря и неба, но одновременно обладал и функциями Матери богов (аналоги – египетский Шай, индо-арийский Шива, иранский Зерван Ахарана и т. д.). Это позволяет, заключил Е.А. Круглов, рассматривать Западную Малую Азию как регион уникального сочетания архаических пеласгических культов андрогинов и раннеэллинистических традиций учения Эвгемера. В докладе «Ахилл на острове Скирос» *М.Н. Химин* (Санкт-Петербург) указал на существование в античной традиции различных версий сюжета о появлении Ахилла на Скиросе, а также на отсутствие единства среди исследователей по вопросу о том, в каких эпических поэмах фигурировал этот сюжет. Вероятно, как заметил автор, в «Киприях» первоначально рассказывалось о завоевании Скироса Ахиллом и его последующем появлении на острове по возвращении из Мисии. По его мнению, эта версия была заимствована «Малой Илиадой». Однако в дальнейшем данное сказание было заменено в «Киприях» на новое: об Ахилле, спрятанном среди дочерей Ликомеда.

В докладе «Вес и свободное падение тел в физической теории Гиппарха» *Д.А. Щеглов* (Санкт-Петербург) указал, что, согласно сообщению Симпликия, Гиппарх предложил физическую теорию, объясняющую движение падающего тела, которая радикально отличалась от теории Аристотеля. Обращаясь к наиболее обстоятельному, по выражению автора доклада, объяснению сообщения Симпликия, предложенному М. Вольфом, Д.А. Щеглов указал, что согласно этой трактовке, Гиппарх рассматривал «вес» тела как своего рода меру инерционности – способность сопротивляться внешнему ускорению. Однако более простым и естественным автору доклада представляется другое толкование сообщения Симпликия: Гиппарх понимал «вес» тела как своего рода потенциальную энергию – способность приобрести ускорение. *В.В. Василук* (Санкт-Петербург) в докладе «Отражение землетрясения VI в. в творчестве Романа Сладкопевца» отметил, что византийцы («ромеи») воспринимали землетрясения прежде всего как божественное наказание, но также и как эсхатологическое знамение изменения мира и предвестие жизни будущего века. Как подчеркнул автор доклада, Роман полностью разделял эсхатологические представления, основывавшиеся на Апокалипсисе, согласно которым перед концом света должны произойти страшные природные катаклизмы. Возможно, на него могли повлиять и реальные события: чума 542 г., землетрясения 542–544 годов и особенно землетрясение 551 г. Сообщения источников о них были проанализированы в докладе.

Работа конференции продолжилась 28 октября на утренних и вечерних секционных заседаниях. На втором заседании *секции по истории древней Греции* (председатель – С.Ю. Сапрыкин) выступили пять докладчиков. В докладе «Падение тирании Кипселидов в Коринфе» *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург) отметил, что поздняя античная традиция приписывает свержение коринфской тирании вмешательству спартанцев, однако из анализа внешнеполитической ситуации, сложившейся в это время на Пелопоннесе, более вероятным представляется сообщение Николая Дамасского (FGrHist 90 F 60. 2) о падении тирании в результате восстания самих коринфян. Это сообщение, как указал докладчик, является уникальным источником, дающим информацию о характере политического строя и новых государственных органах, сменивших в Коринфе режим тирании. Среди множества предлагаемых современной историографией трактовок наиболее приемлемым С.М. Жестоканову представляется мнение Л. Уибли, согласно которому каждая из восьми коринфских фил выбирала по десять кандидатов, один из которых назначался пробулом, а остальные девять становились членами Совета. *Л.А. Пальцева* (Санкт-Петербург) в докладе «О некоторых аспектах архаических законодательства» отметила, что в процессе становления судебных институтов и изменения форм судопроизводства в VIII–VI вв. до н.э. многие греческие полисы столкнулись с определенными трудностями, связанными с исполнением судебных решений. В раннем полисе не было необходимых структур для того, чтобы произвести взыскание штрафов, вернуть незаконно присвоенного имущества и другие действия, предусмотренные решениями судей. Как показала Л.А. Пальцева, архаические законы ряда полисов (Гортина, Афины, Эретрия) предусматривали специальные меры, направленные на решение указанной проблемы. *А.В. Короленков* (Москва) свой доклад «Легенды о Фемистокле» посвятил анализу трех эпизодов из биографии Фемистокла: тайного посольства к царю Ксерксу накануне Саламинской битвы, имевшего целью вынудить пелопоннесских союзников Афин сражаться с персами; событий после битвы при Саламине, в том числе и попытки побудить персов покинуть Грецию до того, как греки разрушат мост через Геллеспонт; тайного предложения Фемистокла сжечь флот греческих союзников, чтобы превратить Афины в сильнейшую морскую державу Эллады. Автор доклада, вслед за целым рядом исследователей, поддержал мнение о недостоверности этих рассказов, хотя отметил, что некоторые ученые признают их подлинность. По мнению А.В. Короленкова, первые два рассказа, зафиксированные уже у Геродота, а затем и в последующей традиции, являются плодом полемики сторонников и противников Фемистокла, которые обвиняли его в изменнических

связях с персами. Третий эпизод встречается только у Плутарха и представляет собой позднейший вымысел с целью продемонстрировать хитроумие и в то же время неразборчивость Фемистокла в средствах.

В.И. Шубин (Архангельск/Санкт-Петербург) в докладе «Занкла: к истории основания» проанализировал краткие и противоречивые данные античной традиции по данному вопросу. По свидетельствам Фукидида и Каллимаха, колония была основана выходцами из Эвбеи на месте стоянки пиратов из Кимы – эвбейской колонии в Италии, а ойкистами выступили Перизэр из Кимы и Кратемен из Халкиды. По Страбону, основателями Занклы были халкидяне из Наксоса – эвбейской колонии в Сицилии. По версии Павсания, Занкла была основана первоначально пиратами во главе с Перизром Самосцем и Кратеменом Халкидянином, которые затем пригласили других переселенцев из Эллады. По мнению В.И. Шубина, свидетельства Фукидида, Каллимаха и Страбона восходят к ранней исторической традиции, сформировавшейся в группе эвбейских колоний Италии и Сицилии и более точно отражают порядок основания Занклы и состав первых ее поселенцев. Версия Павсания представляет собой поздний вариант местного предания, в котором отразились изменения, происшедшие в Занкле в 90–80-е годы V в. до н.э., когда в составе населения колонии, наряду с халкидянами, появились переселенцы из Самоса и Мессены. В докладе «Организация театральных представлений в демократических Афинах» *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) подчеркнула, что основы этой организации были связаны не только с демократическими институтами афинского полиса, но во многом определялись древними религиозными обычаями и имели глубокие аристократические корни. Представление драмы в Афинах, несмотря на различные изменения с течением времени, осуществлялось именно в форме состязания, агона, что говорит, по мнению автора доклада, о несомненном использовании традиционной практики, наследуемой от предыдущей эпохи. Суждение о том, что архаические установления были приспособлены к нуждам демократического полиса, как отметила О.В. Кулишова, вполне справедливо и в отношении института хорегии, сущности и функций которого в докладе было уделено особое внимание. В заключение О.В. Кулишова указала, что хорегия выступала частью системы взаимодействия между демосом и элитой, которая была характерна не только для демократических Афин, но и для греческого полиса в целом.

На втором заседании *секции по истории Рима* (председатель – А.Б. Егоров) были представлены шесть докладов, посвященных преимущественно проблемам римской истории эпохи принципата. *И.П. Портнягина* (Тверь) в докладе «Ливия Августа – первая римская императрица» подвергла критическому анализу распространенную в зарубежной историографии точку зрения о том, что жена Октавиана Августа Ливия обладала юридическим и политическим положением, ставившим ее в отношении власти на один уровень с Августом. По мнению автора доклада, официальная ориентация Августа на традицию и *mos maiorum* не допускала беспрецедентного для Рима наделения женщины властными полномочиями, особенное же положение Ливии и ее влияние базировались на непрямом участии женщин влиятельных фамилий Рима в политической жизни, вошедшем в обычай уже в период Поздней республики. Как подчеркнула И.П. Портнягина, Ливия в значительной степени определила официальную модель поведения, которой в дальнейшем следовали все римские «императрицы»: все они, прежде всего, матери, целомудренные жены и мудрые советницы своих мужей. В докладе «Гельвидий Приск Старший: взгляды, деятельность, судьба» *Е.Л. Смирнова* (Петрозаводск) указала, что политические убеждения Гельвидия Приска, одного из наиболее ярких представителей сенатской оппозиции в правление императора Веспасиана, основывались на учении стоиков о долге и благе, согласно которому основным долгом мудрого мужа признавалось служение государству, а единственным благом – честность. По мнению автора доклада, обличение запятнавших свою репутацию влиятельных приближенных императора, в том числе и сына Веспасиана Тита, которое содержалось в речах Гельвидия Приска, сделало неизбежным появление его личных врагов из числа сенаторов и противостояние с самим императором. Как отметила Е.Л. Смирнова, именно влиятельные приближенные Веспасиана (и особенно Эприй Марцелл) сыграли решающую роль не только в изгнании и гибели Гельвидия Приска, но и в складывании негативного образа одиночки-стоика, враждебного государству, который лег в основу официальной флавианской историографии. Тема доклада *Н.С. Широковой* (Санкт-Петербург) – «“Жизнеописание Юлия Агриколы” Тацита как исторический и биографический источник». «Жизнеописание Юлия Агриколы» – самого блестящего римского провинциального наместника в Британии I в. н.э. – представляет собой важный источник, историческую и биографическую составляющую которого ученые нового времени (Ч. Оумэн, П.Х. Блэра и др.) оценивали по-разному. По мнению автора доклада, несмотря на большую значимость исторической части труда Тацита, которая представляет собой весьма детальный и обстоятельный обзор, его сочинение является, прежде всего, биографией, в которой Тацит создает историко-психологический образ своего героя. Как указала Н.С. Широкова, Тацит, взяв за образец живую, конкретную, симпатичную ему личность своего тестя, идеализировал и обобщил свойственные ему

черты, и в результате получился образ «героя нашего времени», идеального представителя той категории людей, которые, по мысли Тацита, и в современную ему эпоху более всех других могли принести пользу империи и содействовать ее успешному развитию.

В докладе *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Пирь при дворе Домициана в изображении Диона Кассия» был проанализирован рассказ историка об одном из дворцовых пиришеств, устроенном императором Домицианом для сенаторов и наиболее видных всадников (LXVII. 9). Этот званый обед, по мнению автора доклада, был организован и оформлен как настоящий погребальный пир с целым рядом выразительных деталей, символизирующих неизбежность смерти и мрак загробного мира. Описанный Дионом случай, по замечанию *А.В. Махлаюка*, интересен не только с культурно-антропологической точки зрения как крайняя форма демонстрации распространенного в античности понимания пира в качестве образного воплощения связи между мирами живых и мертвых. Как подчеркнул докладчик, «черный пир» Домициана показателен также в контексте конструирования взаимоотношений между императором и знатью, в системе которых публичные пиры, рассматриваемые в понятиях дарообмена, имели очень важное значение. Доклад *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) был посвящен теме: «Повествование Диона Кассия о правлении Юлиев-Клавдиев: композиционная и концептуальная специфика». По замечанию автора, композиционная специфика этих книг «Римской истории» определяется сочетанием анналистического и биографического повествования. Как подчеркнул *К.В. Марков*, в книгах, посвященных Октавиану Августу, Дион в большей степени придерживался анналистического метода. Повествуя же о преемниках Августа, он более активно применял биографический подход, выразившийся в обобщающих характеристиках римских императоров и выдающихся государственных деятелей. По мнению докладчика, определенный круг интересов историка, ряд фактических неточностей и искажений, однообразие в интерпретациях свидетельствуют о том, что Дион Кассий стремился не столько достоверно рассказать о событиях прошлого, сколько представить собственное видение ряда политических проблем, актуальных во времена Северов.

Ю.Б. Циркин (Санкт-Петербург/Великий Новгород) в докладе «Пальмирское царство как попытка восстановления эллинистической монархии» отметил, что данное государство возникло в середине III в. в условиях жесточайшего кризиса Римской империи: глава Пальмиры Оденат, воспользовавшись своей победой над персидским царем Шапуром, провозгласил себя и своего старшего сына царями царей. Новый титул, по мнению автора доклада, показывал его претензию на создание самостоятельного территориального государства со столицей в Пальмире, при этом сам Оденат подчеркивал свою лояльность по отношению к римскому императору. Однако после убийства Одената его вдова Зенобия, фактически правившая государством вместо своего сына Вахбаллата, пошла на разрыв с Римом. Как указал *Ю.Б. Циркин*, государство Одената и Вахбаллата–Зенобии, в котором имело место соединение западных и восточных элементов, частично напоминало эллинистические монархии, а титул «царь царей», не имеющий территориальной привязки, вызывает в памяти титулы, например, Селевкидов и некоторых Птолемеев. В то же время и Оденат, и Вахбаллат имели и чисто римские титулы. Таким образом, как заключил докладчик, правители нового государства представляли перед своими восточными подданными как преемники восточных властных традиций, а перед более романизированным населением – как главы римского народа в данном регионе.

Во второй половине дня работа секций была продолжена. Третье заседание *секции по истории древней Греции* (председатель – *С.М. Жестоканов*) включало обсуждение пяти докладов. *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) в докладе «Писандр и события 411 г. до н.э.» отметила, что почти все античные источники изображают Писандра как личность, обладавшую только отрицательными качествами: он – эгоистичный лицемер и предатель, чему соответствовали и его морально-этические характеристики – трусость, жадность, продажность, испорченность и даже его внешний вид. По мнению автора доклада, подобная оценка напрямую зависит от специфики источников – в основном это комедии, которым свойственны преувеличения, рассчитанные на сценический эффект, в то время как Аристотель отмечает ум Писандра, а Фукидид – его способности оратора-демагога. *Е.В. Никитюк* проанализировала важнейшие факты биографии Писандра, а также его политические воззрения и роль в событиях 411 года до н.э., которые привели к установлению в Афинах умеренно олигархического правления. *А.А. Синицын* (Саратов) посвятил свой доклад теме «Античное предание о Софокле, Дионисе и мусическом фиасе». Сохранившаяся античная традиция сообщает о том, что Софокл служил богу Дионису не только своим поэтическим и актерским талантом, но и в рамках некоего культового сообщества: согласно анонимному биографу Софокла, поэт руководил фиасом, посвященным Музам (*Vita Soph. 6 = Test. 1, TGF 4, Radt*); «предводителем» (ταγός) вакхического фиаса Софокл назван в стихотворении Статилия Флакка (IX. 98. 4–6, AG, Beckby). По мнению докладчика, мусический фиас Софокла объединял служителей Мельпомены и Диониса – бога-покровителя театра и драмы. В этот религиозно-культовый кружок, вероятно, входили представители афинской

творческой и интеллектуальной элиты: поэты, музыканты, актеры, но состоял он только из граждан-мужчин.

Д.В. Бубнов (Пермь) в докладе «Социально-политическая борьба в Кротоне в 20-х гг. IV в. до н.э. и наследие Александра Молосского» подчеркнул, что внутренние конфликты в Кротоне были тесно связаны с общей политической ситуацией на юге Италии после смерти Александра Молосского. Одним из наиболее значимых результатов военной активности царя против луканов и бруттиев, по замечанию автора, стало восстановление союза греческих полисов Италии, при этом Александр, как глава союза, уделял особое внимание контактам с Фуриями и Метапонтом. Кротон, как следует из нумизматических источников, также поддерживал эпирского царя. Д.В. Бубнов отметил, что после смерти Александра Молосского греческие полисы, в том числе Тарент, который в это время позиционирует себя как глава союза, не смогли успешно противостоять угрозе со стороны местных племен, поэтому Кротон, подвергшийся нападению со стороны бруттиев, был вынужден искать помощи у Сиракуз и, вероятно, подчиниться их политическому влиянию. Согласно заключению докладчика, эти события обострили внутреннюю политическую борьбу в Кротоне, которая завершилась установлением тирании. В докладе *А.Б. Шарниной* (Санкт-Петербург) «Закон мессенян о мистериях в Андании» была проанализирована пространная надпись 92 года до н.э. о возобновлении мистерий, в которой содержится важная информация об организации этого праздника, должностных лицах и участниках, а также детально регламентируются все стороны обряда – от причесок и одежды участников, стоимости жертв до правил избрания руководителей церемонии. По мнению автора, возобновление древнейшего культа, который не отправлялся в течение нескольких веков, отражает характерное для полисов II – I вв. до н.э. стремление к возрождению архаических институтов и традиций. В заключение было отмечено, что эта тенденция совпадала с политикой Рима в Греции, также направленной на восстановление древних обычаев в государственно-правовой и религиозной сферах. Доклад *А.М. Скворцова* (Челябинск) был посвящен теме: «Заграничные командировки как этап становления ученого в научной школе М.С. Куторги». Автор указал, что заграничные командировки среди российских антиковедов XIX в. были довольно распространенным явлением и считались необходимым этапом подготовки к научной и преподавательской деятельности. В докладе были подробно рассмотрены условия получения стажировки молодыми учеными, а также финансовые аспекты ее организации. Автор обратил также внимание на цели, которые ставил М.С. Куторга перед своими учениками, отправляющимися за рубеж: изучение опыта преподавания в европейских университетах, участие в семинарах известных специалистов, завязывание с ними научных контактов, знакомство с национальной культурой государств, работа в музеях и библиотеках. Как показали проанализированные автором доклада отчеты стажеров, все они успешно справлялись со своими задачами, что свидетельствует о хорошей подготовке молодого поколения антиковедов в школе М.С. Куторги.

На втором заседании *секции по истории эллинизма* (председатель – М.М. Холод) было предложено для обсуждения пять докладов. *О.Л. Габелко* (Казань) в докладе «Действия кельтов во Фракии в 280–278 гг. до н.э.» на основе анализа письменных и археологических источников посчитал возможным связать наиболее значительные успехи галатов во Фракии (разрушение фракийского эмпориона Пистирос и создание царства с центром в Тиле) с самым удачным и исторически значимым предприятием галатов – переходом части их под руководством Леоннория и Лутария в Малую Азию, при осуществлении которого ими была пройдена вся Фракия. Данные письменных источников (Polyb. IV. 46. 1–2; Liv. XXXVIII. 16. 3–7; Zosim. II. 37) позволили автору доклада не сомневаться в том, что в состав именно этой группы галатов в какой-то момент вошли отряды Комонтория, основанного в конце 278 – начале 277 г. до н.э. Тилийское царство. *О.Л. Габелко*, основываясь на анализе текста Полибия, полагает, что вряд ли правы те исследователи, которые считают данных кельтов частью воинства Бренна, уцелевшей после разгрома при Дельфах: пополнение, почерпнутое Леоннорием и Лутарием во Фракии, было столь значительным, что их сил (первоначально, согласно Ливию, составлявших лишь 10 тыс. воинов и 10 тыс. населения) оказалось вполне достаточно для успешного осуществления военных предприятий в Малой Азии и довольно быстрого образования собственного государства в центре полуострова. В докладе «Стратеги и сатрапы эллинистических монархий: полномочия и сфера деятельности» *А.Г. Грушевой* (Санкт-Петербург) обратился к вопросу об организации и функционировании системы административного управления в эллинистических государствах. Основываясь на анализе эпиграфического материала (надписях, позволяющих судить о стратегах монархии Селевкидов, Пергамского царства и Птолемеевского Египта), автор отметил, что по своему экономическому положению главы региональных администраций (сатрапий и стратегий) не уступали монархам. В тех же ситуациях, когда к ярко выраженной экономической независимости регионов от центра добавлялись политические условия, стратеги могли фактически обособиться от центра до положения независимых династов. По мнению докладчика, имевшиеся для этого предпосылки реализовались лишь в условиях государства Селевкидов (Олимпих, Маккавей), так как надписи из

регионов, находившихся под контролем Антигонидов и Птолемеев, показывают, что стратеги хотя и являлись полновластными хозяевами региона, но сохраняли верность монарху.

В докладе «Политические советники и консультанты при дворах эллинистических царей» *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) обратил внимание на то, что при дворах всех эллинистических династий было немало философов, ученых, врачей, педагогов, писателей, историков, поэтов, которые становились приближенными монархов, приобретали определенное влияние и привлекались к исполнению разнообразных функций. Придворные данной категории выполняли различные поручения царей (нередко дипломатического характера), являлись консультантами по политическим вопросам, воспитателями царских детей, личными врачами царей и членов их семьи. Некоторые из приближенных получали придворные звания («друг царя», «первый друг царя»). По мнению автора доклада, наличие подобной категории придворных свидетельствует о сочетании в политической системе эллинизма институализированных элементов власти и неформальных, основанных на личных отношениях с царем и неофициальных формах влияния. *С.В. Смирнов* (Москва) посвятил свой доклад теме: «Павел Орозий о Восточном походе Селевка I (к интерпретации *Oros. Hist. adv. pag. III. 23. 44–46*)». Как отметил автор, рассказ о событиях похода Селевка в Бактрию и Индию был заимствован Орозием у Юстина, однако в нем содержатся некоторые подробности, не встречающиеся более ни в одном источнике. Павел Орозий свидетельствует о восстании в Бактрии, что, возможно, послужило одной из причин похода, а также повествует о многочисленных сражениях между Селевком и индийским царем Чандрагуптой, основателем династии Маурья. Принимая во внимание сообщение Орозия, автор доклада сделал попытку выявить причины и проследить последовательность событий восточного похода Селевка I. *А.И. Юрин* (Санкт-Петербург) в докладе «Придворная борьба в Македонии в царствование Филиппа V» отметил, что первый известный нам подобный факт борьбы относился к началу царствования Филиппа V, когда в годы Союзнической войны Аппеллес, опекун Филиппа V, и его сторонники, недовольные своим положением, решили противодействовать царю в ведении войны. Второй эпизод произошел в конце правления Филиппа V и был связан с борьбой его сыновей Персея и Деметрия за власть. По мнению автора доклада, эта борьба носила не только внутривосточный характер, так как каждый из соперников воплощал разную внешнеполитическую ориентацию: в случае победы Персея неминуемой становилась война с римлянами, а в случае победы Деметрия оказывался возможным союз с Римом. В докладе А.И. Юрина были проанализированы мотивы действий не только заговорщиков, но и царя, а также последствия этих двух наиболее известных эпизодов придворных интриг для последующей истории Македонии.

Во второй половине дня 28 октября состоялось третье заседание *секции по истории Рима* (председатель – Ю.Б. Циркин) и обсуждение шести докладов. Первые три были посвящены вопросам римской военной истории. В докладе «*Mater castrogrum*, амазонки и шлемы-личицы с женскими чертами лица в римской императорской армии» *А.Е. Негин* (Нижний Новгород) указал, что среди находок римских шлемов имеется ряд экземпляров с масками, которые оформлены в виде красивых женских лиц в обрамлении пышных причесок. Обращаясь к вопросу об их назначении, автор указал, что эти маски разделяют на две группы: первая – это изображения воинственных амазонок, такие шлемы надевали в ходе кавалерийских турниров; вторая – это маски с чертами лиц и прическами, находящими параллели в скульптурных изображениях императорских жен, обладавших титулом *Mater castrogrum* («Мать лагерей»). Эти маски, по замечанию А.Е. Негина, могли применяться в ходе торжественных церемоний для изображения божественных покровительниц военных лагерей. *Клеменс Кён* (Гамбург, Германия) в докладе «Реформа армии в начале правления Юстиниана» обратил внимание слушателей на то, что военная реформа Юстиниана была ответом на упадок римской армии, который особенно был заметен в правление императора Анастасия. Анализируя содержание преобразований, автор доклада указал, что Юстиниан реорганизовал армейские части, не только довел существующие подразделения до прежней численности, но и ввел новые, начал проводить в жизнь масштабную программу фортификационного строительства и наряду с набором новых войск заменил высшее армейское командование. Докладчик особо подчеркнул, что, проводя преобразования в армии, Юстиниан пытался не увеличивать общественных затрат на ее содержание, экономя на армии, по выражению К. Кена, как в военное, так и в мирное время. Обращаясь к дискуссионному вопросу о времени начала реформы, автор заключил, что Юстиниан с начала своего правления проводил политику, имевшую целью восстановить славу римской державы, вернуть обширные территории потерянного Запада и в результате военной реформы получить инструмент для успешного осуществления этих задач.

Как отметил в своем докладе «Армия Псевдо-Маврикия: античность или средневековье?» *П.В. Шувалов* (Санкт-Петербург), структура армии, организация, стратегия, военная теория, сведения о которых можно найти в военном трактате Псевдо-Маврикия, могут быть охарактеризованы, скорее, как эллинистические, чем византийские. Существенные изменения облика позднеантичного войска связаны, по мнению автора, с изменением роли конницы. Доклад *Т.В. Григорюка* (Ярославль) «337 год: кризис власти в Римской империи и “убийства принцев”» посвящен политическому кри-

зису, охватившему Римскую империю после смерти Константина Великого в мае 337 г., когда в ходе борьбы за верховную власть между сыновьями Константина и другими его родственниками многочисленный род Константина был истреблен. Как отметил автор доклада, из-за краткости и отрывочности сохранившихся свидетельств традиции среди исследователей существуют разногласия как по вопросам хронологии, так и в суждениях относительно внутреннего содержания кризиса. В частности, общепринятым является мнение, что префект претория Флавий Аблабий являлся жертвой кризиса, как и другие погибшие, однако анализ источников позволил автору доклада сделать вывод об активной роли префекта в устранении родственников Константина. *А.П. Беликов* (Ставрополь) в докладе «Ю.В. Андреев и А.И. Зайцев о культуре древнего Рима» отметил, что суждения этих выдающихся специалистов по истории и культуре древней Греции, тонких и глубоких знатоков античной цивилизации, о римской культуре и ее соотношении с древнегреческой были весьма критичны. Пытаясь проанализировать причины такой оценки, докладчик отметил, что среди исследователей, специализирующихся в области древнегреческой истории, иногда заметно проявляется «романофобия», сочетающаяся с «грекофилией». Тема доклада *Л.М. Коротких* (Воронеж) – «Хозе Рамон Мелида Алинари (1856 – 1933) и исследование римских памятников в Испании». Автор обратила внимание на то, что раскопкам столицы древней Лузитании, Августы Эмериты, Х. Мелида отдал более 20 лет своей жизни (1910–1930). Археологическое изучение города проводилось весьма тщательно, с применением стратиграфического метода, скрупулезного документирования находок, новой для того времени фотографической фиксации артефактов, реставрацией и сохранением находок. Л.М. Коротких подчеркнула, что раскопки Августы Эмериты стали триумфом испанской национальной археологии: они впервые проводились национальными археологами, их полностью финансировало государство, впервые их методика и научный уровень не уступали европейской археологии.

29 октября в первой половине дня работа секций завершилась. На заседании *секции по истории Северного Причерноморья* (председатель – Е.А. Молев) выступило семь докладчиков. *Н.В. Молева* (Нижегород) посвятила свой доклад «Святыни в скалах на мысе Такиль» характеристике Такильского зольника, который расположен в прибрежном районе и занимает территорию около 2000 м², естественно ограниченную скалами с севера, востока и юга. По замечанию автора доклада, насыпь этого зольника, так же как в Мирмекии и Китее, имеет мелкослоистую структуру, а ее основным компонентом является зола. По мнению Н.В. Молевой, на настоящем этапе исследования невозможно выявить связь зольника с определенными культами, как это сделано в Мирмекии из-за того, что раскопанная площадь слишком мала, однако можно предположить, что открытый зольник связан не с поселением, а с некрополем и носил хтонический характер. *В.П. Былкова* (Херсон, Украина) в докладе «Религиозные представления населения “дальней” хоры Ольвии» указала на заметное различие в степени изученности ближней и так называемой дальней, или «большой», хоры периода наибольшего расширения ольвийской территории в IV в. до н.э. В докладе были представлены полученные в результате недавних раскопок новые материалы, касающиеся религиозных верований и культовой практики населения дальней хоры. По мнению автора доклада, основной интерес представляют терракотовые статуэтки, а также фигурный сосуд с двумя масками, обнаруженный в комплексе домашнего святилища на Белозерском поселении. Как подчеркнула В.П. Былкова, по археологическим данным прослеживаются исключительно греческие культы, при этом доминирует типичное для сельского населения поклонение Деметре и Дионису. Место и характер находок, как она заметила, показывает наличие частного отправления култов в каждом хозяйственно-жилом секторе на протяжении всего времени существования поселения.

В.Н. Парфенов (Саратов) в докладе «Об отражении римской наградной системы в боспорском монетном деле I–III вв.» высказал предположение о том, что развитая система поощрений и наград, которая существовала в римской армии, повлияла на дипломатическую практику в отношении союзных царей. Особенно ярко это прослеживается, по мнению В.Н. Парфенова, на примере Боспорского царства второй половины I–III вв.: на медных монетах этого периода достаточно часто изображены предметы, которые в литературе обычно считаются символами утверждения римским сюзереном данного царя на троне, при этом изображение иногда сопровождается поясняющей надписью, например: «Почести (награды) царя Савромата». Автор доклада полагает, что неоднократное появление этих «почестей» на монетах в течение правления одного и того же царя позволяет предположить, что ряд монетных эмиссий данного типа посвящен не утверждению императором кандидатуры царя, а награждению последнего за конкретные военные и дипломатические достижения. *Ю.Н. Кузьмина* (Москва) в докладе «К вопросу о критериях идентификации античных святилищ» выделила так называемые первостепенные критерии, которыми являются, в первую очередь, свидетельства литературной традиции, лапидарных источников, найденных *in situ*, местоположение сакрального объекта. В качестве второстепенных критериев в докладе было предложено использовать анализ разнообразных votivных приношений и храмового инвентаря, а также остеологического материала,

т.е. тех источников, которые часто рассматриваются исследователями (без учета более значимых первостепенных критериев) как важнейшие для определения сакральности объекта.

Три доклада в данной секции были посвящены вопросам истории иранского мира. Тема доклада *А.К. Нефедкина* (Санкт-Петербург) – «Методы тренинга коня в Ахеменидском Иране по античным источникам». Автор рассмотрел немногочисленные сведения античных авторов (Геродота, Плиния, Арриана) об участии коня в бою вместе с всадником, когда животное кусало и било копытами противника, который в таком случае должен был противостоять сразу двум врагам. Автор рассмотрел способы тренинга коня для такого боя и сопоставил их с методами, используемыми в Средней Азии еще в начале XX в. Подобная практика в древности, как предположил А.К. Нефедкин, не была широко распространена, но использовалась преимущественно представителями знатной верхушки. *В.П. Никоноров* (Санкт-Петербург) в докладе «О вкладе кочевых племен Центральной Азии в военное дело Парфянского Ирана» подчеркнул, что в парфянскую эпоху в военном деле Ирана преобладающую роль стала играть кавалерия, представленная двумя видами – численно преобладавшими легковооруженными лучниками и сравнительно небольшими контингентами тяжеловооруженных пикейщиков – катафрактов, которые сражались на поле боя в органичном тактическом единстве. Автор доклада отметил, что, помимо этого, из степей Центральной Азии парфяне заимствовали десятичную систему организации своих войск, а через посредство евразийских номадов в Иран и Месопотамию попали новые виды вооружения (сложносоставные луки, пики, новый метод подвешивания длинного меча при помощи скобы-пронизки, набедренные кинжалы и др.) и конского снаряжения (седла жесткой конструкции и строгие удила). По мнению докладчика, все это позволяет утверждать, что влияние кочевников на аршакидский Иран было более значительным, чем это порой представляется в трудах ряда зарубежных исследователей (М. Бойса, С. Хаузера и др.). *И.В. Пьянков* (Великий Новгород) в докладе «К вопросу о тохарях» предпринял попытку объяснить противоречивые сведения источников об этом древнем народе. Автор пришел к выводу, что первоначально слово «тохарь» было нарицательным именем, обозначавшим структурную часть кочевой «империи», а именно – оседлую ее часть, и лишь позднее это слово превратилось в настоящее этническое имя.

Секция «История античного христианства» (председатель – К.К. Вержбицкий) провела заседание, на котором прозвучало пять докладов. Открылось оно докладом *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «Мученичество Птолея и Луция (Just. Apol. II. 2)», в котором было проанализировано сообщение Юстина Мученика о событиях в Риме в начале 150-х годов, в правление Антонина Пия, когда были казнены Птолей, Луций и некий третий христианин. Пара, развод которой стал причиной этих казней, по замечанию автора доклада, принадлежала к высшим слоям римского общества. А.Д. Пантелеев подчеркнул, что основной интерес Юстина сосредоточен не на обращенной в христианство римской матроне, а на ее муже, в образе которого выведен классический тип доносчика на христиан. В заключение автор доклада обосновал возможность отождествления Птолея-мученика и Птолея-гностика, автора «Послания к Флоре». *Е.В. Сергеева* (Великий Новгород) посвятила свой доклад теме «Христианство и отношение к гигиене в контексте проблемы идентичности». Она отметила, что проблему утраты античных гигиенических норм традиционно рассматривали в контексте отношения христианства к телесности и утверждения представлений о греховности плоти, поэтому исчезновение римских терм справедливо считали одним из маркеров перехода от античности к средневековью. Сделав попытку поставить эту проблему в иной контекст, Е.В. Сергеева подчеркнула, что в раннем христианстве традиция повседневного мытья и ритуальных омовений получила различную оценку: омовение в символическом смысле играло центральную роль при обряде крещения, однако омовение как повседневное гигиеническое действие отвергалось, поэтому гигиенические нормы оказались среди тех норм, которые не воспринимались как социально значимые.

А.В. Каргальцев (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о епископских выборах в африканской церкви III в.» отметил, что тенденции укрепления власти епископов в Северной Африке, характерные для этого времени, можно проследить в сочинениях карфагенского епископа Кириана, в понимании которого церковь является единой, включает в себя все местные церкви, а единство церкви заключается в единстве ее епископов. Процедура избрания епископов, описанная Кирианом, была построена на демократической основе: на собрании присутствовали епископы, священники и миряне, и все они участвовали в процедуре выборов, которая, как полагает автор доклада, подразумевала несколько степеней одобрения и содержала элементы, схожие с выборами в римских комитиях. *Е.А. Пак* (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Акты мученичества в правление Юлиана Отступника как исторический источник: христианские легенды против языческих свидетельств», в котором поставила вопрос о том, можно ли считать Юлиана гонителем христиан. Как заметила автор доклада, сам Юлиан неоднократно писал в своих письмах, что ни в коем случае не собирается использовать силу против христиан, чтобы не увеличивать число мучеников за веру, однако мы располагаем источниками, содержащими сведения о мученических казнях христиан, хронологически относящихся ко времени правления Юлиана (в основном это сообщения христианских историков

IV–V вв. – Григория Богослова, Сократа Схоластика, Феодорита Киррского, Филосторгия, Эрмия Созомена). По мнению Е.А. Пак, общая оценка деятельности Юлиана, данная этими авторами, была крайне негативной, поэтому можно рассматривать их свидетельства о мучениках как христианские легенды, в то же время следует принять во внимание свидетельства о некоторых мучениках в правление Юлиана, содержащиеся у языческих авторов (Либания, Аммиана Марцеллина). *И.А. Копылов* (Москва) посвятил свой доклад теме: «Бегство от опасности в период гонений как моралистической *exemplum* (по данным североафриканских церковных авторов вандалской эпохи)». Как подчеркнул автор, блаженный Августин, который был не только самобытным богословом и проповедником, но также администратором и дальновидным церковным политиком, в этот непростой для римской Африки период после ее завоевания вандалами поставил основной задачей сохранение жизни епископата как основного управленческого звена Церкви. С этой целью, по замечанию И.А. Копылова, он обосновал для своих учеников возможность бегства во время гонений, чтобы не подвергнуться пагубному влиянию со стороны завоевателей-еретиков и сберечь свою душу. В заключение докладчик подчеркнул, что тем самым Августин предложил некую альтернативу другой распространенной в рядах африканской Церкви поведенческой парадигме – готовности к добровольному мученичеству.

29 октября 2010 г. во второй половине дня состоялось заключительное пленарное заседание, на котором было прочитано четыре доклада. *Кишиштоф Навотка* (Вроцлав, Польша) представил вниманию аудитории доклад «Предзнаменования в Вавилоне и смерть Александра Великого». Автор указал на то, что античные источники упоминают ряд божественных знаков и предзнаменований, предсказавших преждевременную смерть Александра Великого. По его мнению, историчность этих сообщений не следует решительно отвергать, прежде всего, потому, что некоторые из них могли отражать действительные предостережения вавилонского происхождения, переданные греческими авторами, которые не понимали их полностью. Наиболее очевидный пример, по замечанию докладчика, – это история простолюдина, облаченного в царскую одежду и восседающего на троне Александра (о чем сообщают Диодор, Арриан и Плутарх), в которой В. Смелик видит отражение ритуала «подмены царя», исполненного вавилонскими жрецами в тщетной попытке отвлечь от Александра осуществление дурных предзнаменований. Как предположил Кш. Навотка, рассказ о дурном предзнаменовании, адресованном царю и связанном с рождением младенца с физическими отклонениями (о чем с некоторым преувеличением упоминают «Роман об Александре» или «Книга мертвых»), также отразил типичные элементы вавилонских верований. *Е.А. Молев* (Нижний Новгород) в докладе «К вопросу об иранских традициях в Понтийском царстве» указал, что большинство исследователей истории Понтийского царства характеризуют его как эллинистическое государство. Однако, по мнению автора, оно на протяжении всей своей истории сохраняло ряд иранских традиций. *Е.А. Молев* рассмотрел некоторые из них – процесс формирования государства, титулатуру его правителей, особенности чеканки монеты. *Тереза Урбанчик* (Дублин, Ирландия) в докладе «Тема рабских восстаний за пирующим столом: “Пирующие софисты” Афиня» охарактеризовала знаменитое произведение Афиня, герои которого – пирующие софисты – обсуждали разнообразные вопросы, нередко – о рабстве и опасности, исходящей от рабов. По мнению автора, несмотря на то, что материалы, касающиеся рабства, неоднократно привлекались исследователями, сюжет о том, какое место данная тема занимала в произведении Афиня и каким было мнение древних о рабстве, исследовался недостаточно. *М.В. Скржинская* (Киев, Украина) в докладе на тему «Мифы о Геракле в культуре и искусстве античных государств Северного Причерноморья» подчеркнула, что в античной литературе и эпиграфике зафиксированы сюжеты двух местных мифов о Геракле в Скифии (Herod. IV. 8–10; Strabo. XI. 2. 10; SIG. 1293 а, 94–97), а также показала, какие варианты этих мифов рассказывали в Тире, Ольвии и городах Боспора. В этой части греческого мира знали множество мифов о двенадцати подвигах героя и других его деяниях, о чем, по мнению автора доклада, свидетельствуют памятники изобразительного искусства. Кроме того, терракотовые маски и статуэтки актеров в роли Геракла, найденные в Херсонесе и на Боспоре, дали М.В. Скржинской основание заключить, что грекам Северного Причерноморья были хорошо известны трагедии и комедии с участием этого героя.

Итоги конференции в своем заключительном выступлении на пленарном заседании подвел *Э.Д. Фролов*. Он отметил, что «Жебелевские чтения» стали весьма востребованным форумом антиковедов, который предоставляет ученым из разных стран и городов и научных центров России прекрасную возможность обмениваться идеями, налаживать профессиональные контакты, повышать научную квалификацию. Оценив работу конференции как весьма успешную, отметив разнообразие тем представленных докладов, активность и заинтересованность во время их обсуждения, Э.Д. Фролов подчеркнул, что подобные встречи чрезвычайно полезны для молодых, начинающих исследователей, так как обогащают их опытом совместной работы и научного общения с авторитетными специалистами. В заключение Э.Д. Фролов выразил надежду на успешное продолжение традиции «Жебелевских чтений».